

Пятая струна

ПОВЕСТЬ

Олена Притула

12+

Олена Притула

Пятая струна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31183353

SelfPub; 2018

Аннотация

Трагическая повесть о семейных взаимоотношениях. Что может случиться, если муж и жена полностью отдаются своим чувствам. Что, если преграда на этом пути – их собственный ребенок?

Содержание

1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Олена Притула

Пятая струна

1.

Воспоминания стали для меня религией. Очиститься от грехов, вернуться к временам невинности. Совершить паломничество. Теперь я в море, изменившем мое существование, и смотрю на свою жизнь. Я – Ибрагим. Сын Манолиса и Софии, возвращающийся в родную Паргу. Семнадцать лет я не видел лица матери. Я избегал зеркал. В своем лице я искал забытые черты брата, матери, отца. Отыскивая их, я сам потерялся. Я не смог вернуться, не смог взять их за руки. В моей голове звучит мелодия скрипки, которой меня обучила матушка. Это – единственный дар Родины моего детства, с которой меня похитили.

Настя не слушала. Мысли дёргали её за руки. Не хотели допустить, чтобы их утопили в сериале. Казалось, юность не может кончиться. Только вот, подлая юность взяла и прошла, ее не спросила. Она и не собиралась ее спрашивать. Прошлое представлялось важнее, чем будущее. Его годы были сочными, красными. От этих воспоминаний тонус покидал Настины мышцы. Как в аранжировках нулевых: вжих, и нет его. Настя сидела и не могла двинуться с места. Ничего не нужно.

– Госпожа!

– Они знают, Гюльсен. Они все знают. Мне нужно поговорить с государем. Он должен помиловать Ибрагима.

– Госпожа!

– Сообщите государю, что я пришла. Пусть гонец к Ибрагим-паше немедленно отправляется в путь.

– Повелитель, Хатидже Султан пришла.

Взросление... Пять тысяч теток всевозможных формаций талдычили об этом. Уголки их ртов были опущены, в глазах злоба. Настя думала, они хотят навязать ей эти свои уголки, заставить выполнять их волю... Нужно решить: взрослеть-не взрослеть. Не взрослеть. Нельзя. Тошно, мерзко, неправильно. Должна быть в этом коридоре пусть маленькая, узкая трещинка, выскочив через которую, спасешься. Она еще не любила. Она не может, только потому, что он – ее муж, увязнуть в нуге уборка-супермаркет-телевизор.

-Настя, – позвал Сергей.

Не хотелось поворачиваться, говорить не хотелось.

– Нас-тя, – он произнес ее имя по слогам, с металлическим привкусом. Чувствовал превосходство.

«Мама права. Надо было думать о профессии. Будь у меня деньги, не шипел бы сейчас «нас-тя».

-Что, Сереж?

-Стас мне звонил.

- Занять денег?

- Не знаю. Может, и денег. Он на базу зовет.

- Опять?! Второй раз за неделю. Вы чем там занимаетесь?

- Ну, перестань. Тебе ничего нельзя рассказать. Сразу обвиняешь.

- Неправда. Ты лжешь.

- Чем занимаетесь? Не правда! – передразнил Настю Сергей.

- Хватит. Оставь меня в покое. Хочешь ехать бренчать всю ночь – езжай, бренчи.

Настя резко встала. Выключила телевизор. Задев Сергея плечом, выбежала из гостиной, и скрылась в комнате, где спал трехлетний Никита. Она с силой держала дверную ручку, чтобы не дать ему войти. Сергей не отставал. Остановившись перед дверью, он с горечью сказал:

- Каждый раз, когда я встречаюсь с друзьями, ты злишься. Когда у меня появляются интересы, ты тоже злишься. Ты всегда злая, когда я счастлив.

- Так в чем проблема? Иди, разучивай песенки. Удачи, Пасториус. И не обращай внимания, что бас у тебя четырехструнный, как у школьника, потому что играть на пяти стру-

нах для тебя «убийственно»!

– Настя! Ты говоришь, что меня любишь. На самом деле, ты вся ядом пропиталась. Мечтаешь, чтобы я был несчастливым, был неудачником. А ты меня утешала. Ты меня ненавидишь. Хочешь, чтобы от тебя зависел. Больше мне нечего тебе сказать.

Настя услышала, как Сергей собирается. Хлопнула дверца шкафа, звякнула обувная ложечка. Серёжа ушел.

«Переодевался и вещи разбросал, как попало», – машинально подумала Настя. Взглянув в сторону кровати, увидела, что Никки проснулся.

– Дождь закончился, – сказала она приветливо, – вставай, пойдем гулять.

Майское солнце нежно согревало комнату. Настя вдруг поняла, что они с Серёжей почти каждый день кричат друг на друга с самого Нового года. Стало стыдно. Переезжая с Никки и его велосипедом от одной детской площадки к другой, Настя решила устроить Серёже сюрприз. Ей тут же полегчало. Она не могла предугадать Серёжину реакцию, но окрыляла сама идея. После прогулки они поели бутерброды, йогурт. Настя усадила Никки собирать самолет из конструктора, а сама, расположившись рядышком в мягком зеленом кресле, набрала номер Романовны. Вместо гудков тоненький

голосок похабно пропел песню про госпожу удачу.

– Алё! - Людмила Романовна, это Настя. Здравствуйте.

– Настенька? Рада слышать тебя, – ответил резкий прокурорский голос.

Серёжину маму Настя боялась. Тридцать лет Романовна работала следователем. Две привычки: командовать и подозревать руководили поступками этой крепкой, невысокой, совсем неженственной, хоть и активно молодящейся, женщины.

– Случилось что-то? – Романовна спросила таким тоном, что Настя поняла: придётся клянчить и упрашивать.

– И да, и нет, дорогая Людмила Романовна. Понимаете, такая ситуация: мы с Серёжей хотим сегодня устроить свидание. Побывать вдвоем, приблизиться друг к другу...

– Так, приближайтесь. Я вам мешаю, что ли?

– Людмила Романовна. Мы хотели попросить, если вам не трудно, побудьте с Никитой до завтра.

– Сидеть с ребёнком? – рывкнула трубка, – а почему Сергей не позвонил?

– Он уехал по делам. Мы собирались встретиться в городе, погулять. Вы так нас выручите! Если вы, конечно, не против, – Настя затаила дыхание.

– Не знаю, – отрезала Романовна, – Звонишь в последний

момент. Мне надо обдумать.

– Хорошо-хорошо, – защебетала Настя, – когда вам можно перезвонить?

– Сама позвоню, – Романовна отключилась.

Она перезвонила через час.

– Можешь вызвать мне такси на девять вечера.

– Так Никита уже ляжет.

– И хорошо. Пусть ложится, я постерегу.

– Спасибо вам огромное! В девять машина будет.

Настя хотела сказать что-то вежливое, но Романовна бросила трубку. «Хамло», – подумала Настя.

– Никки! Иди сюда. Мама будет собираться, а ты посиди со мной.

– Поболтаем? – хитро спросил Никки.

– Конечно. Встречаемся в ванной.

Настя принесла косметичку, включила утюжок. Следующий час они провели вдвоем, смеясь и выдумывая способы, как машине попасть в аварию. Вспоминали понятные только им двоим шутки, словечки. Они были счастливы. Настя думала, как здорово проводить время с единственным человеком, который любит тебя просто так. Как все-таки заме-

чательно, когда ванная большая, в ней ярко горят все лампочки, а Никки роется в ее косметике и без конца спрашивает: «Для чего это? А зачем то?». Она чувствовала такую любовь и защищенность, что совсем расхотелось куда-либо ехать. Зачем выдумывать, когда у нее есть Никки, и для него даже в старых джинсах Настя – самая красивая. Но, ничего не поделаешь. Романовна скоро приедет. Не отправлять же ее обратно. Настя надела маленькое белое платье с открытыми руками, выбрала серебристые туфли на шпильке, чтобы привлечь внимание к ногам. На правой икре красовалась тонкая цепочка из белого золота. Светлые, лунные волосы, уложила крупными волнами. Подвела синим карандашом серые глаза.

– Нравится? – спросила Настя Никиту, при полном параде надевая на него пижаму, пестрившую экскаваторами.

– Очень, – уверенно ответил Никки.

Он не понимал, зачем маме так готовиться ради того, чтобы уйти от него, но все же хотел сделать ей приятное.

– Скоро вы с папой вернетесь?

– Мы постараемся, сыночек. Придем, ты будешь спать. А когда проснешься, сразу нас увидишь.

– В два часа?

– В два часа чего?

– Не знаю, – Никки растерялся.

Передав сына в руки Романовны, от которой скверно пахло чесноком и цветочными духами, Настя доехала до театра на Таганке. Расплатилась. Встала возле перехода, вынула телефон из сумочки. «Бонни ждет Клайда на Таганской», написала она и стала ждать. Прошло десять минут. Пятнадцать. Она закурила. Точный адрес базы Настя не знала. Воображение рисовало, как Сережа мчится сейчас на всех парах, задевая прохожих и одновременно улыбаясь им. Как он прихватит своих друзей – похвастаться. Настя представила, что всю ночь они будут громко болтать, целоваться. Кто знает, что еще. По угрюмым взглядам Настя поняла, что вслух смеется своим мыслям. Сергея все не было. От нетерпения Настя стала ходить через переход. Туда-сюда по сигналу светофора. Третий раз. Четвертый.

-Настя!

Сережа стоял на углу, махал рукой. Ждал, когда она сама подойдет. Пришлось. В те семьсот сорок два шага, которые они прошли до репетиционной базы, Настя слышала тридцать «зачем», два «о-ох», и провела минуты полторы в ледяном молчании.

«Зачем» вырывались из Сережи под разными предложениями: от покинутого Никки до того, что разве она не знает, как

он беспокоится, когда Настя одна едет на такси. И так это было тяжело и неприятно быть обузой, что она чуть не расплакалась. Настя увидела их со стороны: неопрятный низкорослый мужик идет и ноет, отчитывая красотку на огромных шпильках.

«Хоть бы никто не догадался, что я все это для него надела». На территорию базы Сережа зашел молча. Кивнул охраннику, провел ее к серому складу. Открыл дверь. Она ждала, что ее встретят ухмылки, презрительное фырканье, или что-то в этом духе. Иначе, для чего были вздохи с Серёжиной стороны.

К ее удивлению, все, кто был в крохотной камерке, заваленной барабанами, гитарами и шнурами, ужасно обрадовались ей. Противный Днестровиченко улыбнулся во весь рот и присвистнул. Черношкур издал какой-то звук костлявой грудью. Крепко обнял Боря Лосев. Настя заметила новенького, который внимательно смотрел на нее. Высокий шатен, красиво лежат волосы... Настя твердо решила забыть о Сереже и наслаждаться компанией. Все выпили немного вина, на душе полегчало. Серезин квинтет принялся от одной стены к другой гонять мелодию из пяти нот, представляя каждый себе, что они Rolling Stones, что они в мировом турне. Концерт длился часа два. Настя не слушала. Она перебирала мысли, как стопки белья, ей хотелось написать детскую

сказку, выдумать нового героя, которого все будут любить. Все два часа новенький поглядывал на нее. Не похотливо, как привыкла Настя, в компании мужа, а внимательно. Будто она – новый вид, а он – орнитолог. Они словно играли в «уклонись от мяча». Настя заметила, что глаза у новенького зеленые, руки большие и грубые, а на запястьях красивые часы с оранжевым циферблатом. Ему очень шли плотная голубая рубашка и приталенная черная кожаная куртка. Ему все шло. Он будто сам себе подходил. Таких Настя встречала редко.

Чаще она общалась с людьми, в которых жизнь, что они ведут, резко контрастирует с тем, кем они хотят быть и что о себе думают. Он выглядел не как Днестровиченко или Черношкур. И не как Боря, которому они с Сережей привезли толстовку три года назад из Туниса, и Настя лицеизрела его в ней при каждой встрече, будто толстовка приехала в Россию рассказать о быстротечной красоте восточных женщин.

После репетиции все отправились в паб на Маяковской. Все, кроме новенького. Они познакомились за полчаса до этого. Перед тем, как покинуть базу, Настя попросила:

- Вы не подадите мне сумку?
- Максим... – поправил он.
- Спасибо, Максим, – сказала она, приняв сумку из его потрясающих рук.

Он уехал, не посмотрев на нее. Уехал, не попрощавшись. Настя сидела весь оставшийся вечер, матерински улыбалась подвигам Бори Лосева в онлайн играх, слушала, как Черношкур перечисляет возможные способы обогатиться, и не верила себе. Она не верила себе в Серёже, и сейчас ей казалось, что все упущено. Только чудо может заставить их вновь чувствовать радость. Сквозь пьяные вскрики Черношкура: «Вольфрам, понимаешь?! Маржа триста процентов!» в Настиных висках пульсировало имя Максим, не очень приятное, словно сироп. Давление поднялось, Настя чувствовала дурноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.